

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-462-477

EDN: JULGMK

Научная статья / Research article

Чекарские и чураские калмыки в политике ойратского дербетского Далай-тайши: предварительные итоги исследования

Б.У. Китинов

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская
Федерация

✉ kitinov@mail.ru

Аннотация. Изучена проблема, связанная с появлением в русских архивных документах второго и третьего десятилетий XVII в. упоминания о людях, названных *чекарами*, в составе ойратов-дербетов, пребывавших в южной Сибири. Рассмотрены точки зрения специалистов, ранее обративших внимание на эту проблему (С.К. Богоявленский, В.П. Санчиров, В.Т. Тепкеев), отмечены их достижения и неудачи. На основе комплексного исследования источников сделан вывод, что *чекары* — это представители монгольского народа *чахаров*, оказавшиеся в составе войск Алтын-ханов еще до падения Чахарского ханства (1634 г.) и принявшие активное участие в боях с ойратами. После гибели (чахарского) хагана Лигдана они были замечены и в отрядах ойратского дербетского лидера Далай-тайши, использовавшего их для нападений на других ойратов — торговых правителей с целью подчинения их себе. Одновременно для борьбы с возросшим влиянием элетского (джунгарского) тайши Хара-Хулы Далай-тайша попытался возродить свое давнее родовое имя, одинаковое с тем, что было и у Хара-Хулы — *чорос* (*чурас*). Этот род связан с народом чурасов в Могулистане, и его представители создали *чороскую* династию как правители Ойратской державы (первая половина XV в.). Констатируется, что деятельность известного ойратского лидера Далай-тайши в указанный период была неоднозначной и нацелена на возвращение прежнего авторитета. С его кончиной в 1637 г. тема *чекаров* и связанных с ними *чурасцев* больше не прослеживается в русских архивных документах. Материал представлен как проблемный, предложено тесно увязывать его дальнейшее изучение с комплексным анализом истории ойратов и восточных монголов конца XVI — первой трети XVII вв.

Ключевые слова: чекар, чахар, чакар, чорос, чурас, Далай-тайша, Хо-Урлюк-тайша, ойраты, калмыки, дербеты, джунгары, Алтын-хан, Чокур-тайша

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Китинов Б.У., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10.03.2025; принята к публикации 25.07.2025.

Для цитирования: Китинов Б.У. Чекарские и чураские калмыки в политике ойратского дербетского Далай-тайши: предварительные итоги исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 462–477. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-462-477> EDN: JULGMK

Chekar and Churas Kalmyks in the policy of the Oirat Derbet Dalai Taishi: preliminary results of the study

Batr U. Kitinov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ kitinov@mail.ru

Abstract. The author studies the problem associated with the appearance in Russian archival documents of the second and third decades of the 17th century of references to people called *Chekars*, as part of the Oirat Derbets who were dwelling in southern Siberia. The points of view of specialists who previously drew attention to this problem (S.K. Bogoyavlensky, V.P. Sanchirov, V.T. Tepkeev) are considered, their achievements and failures are noted. Basing on a comprehensive study of the sources, it is concluded that the *Chekars* were the representatives of the *Chahar* Mongolian people, who found themselves in the troops of the Altyn Khans even before the fall of the Chahar Khanate (1634) and took an active part in the battles with the Oirats. After the death of the (Chahar) Khagan Ligdan, they were also seen in the detachments of the Oirat Derbet leader Dalai Taishi, who used them to attack other Oirats — Torgut rulers with the aim of subjugating them. At the same time, to combat the growing influence of the Elet (Dzungar) Taishi Khara-Khula, Dalai Taishi tried to revive his old family name, the same as that of Khara-Khula — *Choros* (*Churas*). This family name was associated with the *Churas* people in Moghulistan and its representatives who created the *Choros* dynasty as rulers of the Oirat state (first half of the 15th century). It is stated that Dalai Taishi's activity, as well known Oirat leader, at the discussing period was complicated and aimed to return his previous authority. With his death in 1637, the issue of *Chekars* and connected the *Churas* peoples disappeared forever from the Russian archival documents. The author presents the article as the problematic one and believes that its further study should be supported by the comprehensive analyze of the history of the Oirats and Eastern Mongols of the late 16th — first third of the 17th centuries.

Keywords: Chekar, Chahar, Chakar, Choros, Churas, Dalai Taishi, Kho-Orluk Taishi, Oirats, Kalmyks, Derbets, Dzungars, Altyn-khan, Chokur Taishi

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 10.03.2025. Accepted: 25.07.2025.

For citation: Kitinov BU. Chekar and Churas Kalmyks in the policy of the Oirat Derbet Dalai Taisha: preliminary results of the study. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):462–477. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-462-477> EDN: JULGMK

Введение

История ойратов содержит немало страниц, до сих пор нуждающихся в уточнении и внимательном изучении. Их можно обнаружить буквально во всех периодах бурной истории этого западномонгольского народа. Внезапное появление в русских архивных документах 1620-х — 1630-х гг. упоминаний о *чекарах* и *чурасцах* — одна из таких проблем, однако специальных ее исследований нет, а в имеющихся она не является центральной и требует уточнений и корректировок. Использован проблемно-исторический и хронологический методы, позволившие проследить развитие событий и процессов в совокупности, с привлечением достоверных источников и мнений специалистов. Эти методы позволили специально не изучать отдельные стороны вопроса (например, роль казахского «царевича» Янгира, войны ойратов с алтын-ханами), другие же (ситуация в Чахарском ханстве, значение *чороского* (*чураского*) фактора) получили достаточное освещение. В целом можно констатировать, что эти, казалось бы, малозначимые названия и обозначения, в действительности воссоздают один из моментов проявления исторической памяти ойратов, которая, как видно, не только помогала поддерживать прогрессивные тренды, но и могла использоваться для достижения личных целей.

Чекары

В первой трети XVII в. ойраты, полувеком ранее мигрировавшие в южную Сибирь, постоянно должны были отбиваться от своих врагов — восточных монголов и казахов, не утихали между ними и усобицы. В ходе столкновений выделились такие тайши, как Хо-Урлюк (глава ойратов-торгутов), Далай (лидер ойратов-дербетов), Чокур (один из лидеров ойратов-хошутов), Хара-Хула (лидер ойратов-элетов, позже ставших известными как джунгары) и др. Пик усобиц пришелся на 1625–1635 гг., когда постепенно падало значение прежнего лидера — дербетского Далай-тайши и усиливалось продвижение ойратов-торгутов на запад, к Волге. С.К. Богоявленский писал: «Весной 1635 г. на Урлюка дважды нападали чекарские калмыки и Янгир, царевич Казахской орды; и многие люди из улусов тайши Урлюка были побиты, а многие взяты в плен. Чекарские калмыки неоднократно упоминаются в русских актах, и этим термином обозначаются отряды, находившиеся в распоряжении Далая» [1. С. 72].

Чекары (*чекарцы*, *чекарские калмыки*) вновь упоминаются в архивных документах о калмыках, кочевавших близ Астрахани. Отмечено, что летом 1635 г. «на р. Бузане близ Астрахани состоялся съезд русских и калмыцких доверенных лиц... Калмыки¹ высказали пожелание, чтобы русские послали

¹ Это были поданные торгутского тайши Дайчина.

против чекарских калмыков „ратных людей с огненным боем...“. На этом съезд и закончился» [1. С. 73].

Кем же были эти *чекарские калмыки*?

В последнее время к теме *чекаров* обратился один из исследователей истории калмыков В.Т. Тепкеев в монографии «Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века» [2], однако методы, использованные им, и анализ документов вызывают ряд замечаний и вопросов. Во-первых, он использует слово *чакары*, хотя в источниках эти люди именуются *чекарами*. Во-вторых, в работе не дается никаких объяснений о причинах и времени появления этого слова, лишь отмечается, что оно близко к числительному четыре (*чахар*, на персид. яз.), и выделяются его различные вариации в значении *слуга, телохранитель* (на монг. яз.) [2. С. 13, сн. 9]. Автор почему-то уверен, что в русских документах этот термин употреблялся как «название группировки ойратов, кочевавших в степях Юго-Западной Сибири» [2. С. 13], хотя не обосновывает это. В состав этой «группировки» (называемой также «северная») он включает практически всех ойратов (как правило, упоминаются лишь дербеты и хошуты), кочевавших на юге Сибири, за исключением, что неоднократно подчеркивается, торгутов и джунгаров. Но основное недоумение вызывает использование источников: Тепкеев произвольно изменяет (искажает) данные источников; например, в указанной монографии во многих местах, где в источнике речь идет о *калмыках/ колмыках* как таковых, он переименовывает их в *чакарцев*.

Более ответственно к теме *чекаров* подошли С.К. Богоявленский и В.П. Санчилов, отмечавшие, что *чекарскими* назывались калмыки, бывшие подданные Чокура (т.е. хошуты улуса Чокура), которые после его разгрома оказались под властью дербетского Далай-тайши [1. С. 72; 3. С. 14]. Следуя их логике, можно предположить, что этимологию слова *чекары* они выводили из имени Чокура, что представляется не вполне обоснованным. Кроме того, не становится яснее, почему эти так называемые *чекары* вдруг стали такими воинственными и настроенными анти-торгутски, ведь ранее они и кочевали совместно, и их хозяин Чокур был тестем упоминавшегося торгутского тайши Дайчина, в кочевьях которого он укрывался от Далай-тайши и хошутского Гуши-хана.

На наш взгляд, истоки как самого слова, так и условий, когда и почему оно стало использоваться (откуда взялись *чекарцы*), следует искать в более широкой исторической перспективе.

Ойраты (дербеты, торгуты, хошуты, элеты и др., также известные как калмыки), откочевав во второй половине XVI в. в южную Сибирь с востока Джунгарской котловины и Западной Монголии, спасаясь от набегов восточных монголов и тюрок Могулистана, оказались в стесненных обстоятельствах. Выход виделся в дальнейшем продвижении на запад, и первым решился на этот трудный выбор Хо-Урлюк, глава торгутов.

Интерес к региону Волги наиболее полно был реализован им впервые в 1618 г. Как отмечено в «Истории калмыцких ханов» (написан в первой половине XIX в.), Хо-Урлюк «в году Шорой Морин (т.е. 1618 г. по Р.Х.) ... послал добрых людей высмотреть берега Каспийского моря», и далее, «заподлинно узнав, что там земли никем не заняты» [4. С. 113], он решил уйти туда со своим улусом. Ранее, в 1613 г., четырехтысячное войско калмыков впервые перешло Яик и ударило по ногаям, которые бежали вплоть до правого берега Волги [1. С. 57]. Однако калмыки вскоре ушли, и далее они будут периодически появляться в этом регионе; так, в 1619 г. они опять нападут на ногоев и вновь уйдут за Яик, причиной чему были вспыхнувшие бои с Алтын-ханом и казаками; следующий набег случился в 1622 г., то были воины хошутского тайши, однако и они быстро вернулись за Яик [1. С. 61]. Согласно Габан Шарабу, «в 1628-м году Лоузанг² ойратским владельцам представил намерение свое от них отлучиться» [5. С. 106].

Между тем, ссора между хошутами, случившаяся в 1625 г., превратилась в крупномасштабную междоусобную войну, затронувшую всех ойратов [3. С. 6–12], что вызвало их общее ослабление.

В 1626 г. улус хошутского Чокура, с которым кочевал его зять Дайчин, старший сын Хо-Урлюка, совместно с улусом другого торгутского тайши Тенес Мергене, провели в междуречье Волги и Яика около года; до Волги они не доходили. После разгрома Чокура (одного из зачинщиков междоусобицы) и его союзников набеги калмыков Хо-Урлюка на ногоев, к Волге продолжались [1. С. 67]. В Волго-Яикское междуречье пришли улусы Лоузана. Как писал Б.-У. Тюмень, «в 1629-м году (Лоузан) действительно отошел, в 1630-м перешел Яик и Волгу, завоевал татар. В том же году Хо-Орлюк и Дайчинг пришли к Яику, в 1631-м году пришли к Волге» [5. С. 106].

По В.П. Санчирову, Хо-Урлюку пришлось уходить на запад ввиду давления со стороны дербетского Далай-тайши, с которым отношения ухудшились после разгрома Чокура [3. С. 13]³.

На наш взгляд, кроме указанного обстоятельства (желания Далай подчинить себе Хо-Урлюка), следует иметь в виду и другое: кочевья торгутов (сыновей Хо-Урлюка) заняли земли Чокура и его союзников, именно они — Дайчин и Лоузан — контролировали отношения калмыков с ногаями и русскими властями на юге России, что, вероятно, не устраивало Далай-тайшу. Иная причина могла заключаться в гибели хошутского лидера Байбагаса до конца 1629 г., когда хошуты начали отходить от союзнических отношений с Далаем и последний, для сохранения влияния, усилил давление

² Лоузан был сыном Хо-Урлюка, отучился в тибетском монастыре Дрепунг Гоманг и обладал духовным званием *тоин*.

³ Чокур скрылся у своего зятя Дайчина, а последний отказывался подчиниться требованию своего отца выдать тестя Далай-тайши, из-за чего воины Далай совершали нападения на улусных людей Хо-Урлюка.

на торгутов. Таким образом, на перемещение торгутов на запад повлияли не только земельная теснота, но и угрозы со стороны Далай-тайши. Это отмечено и Богоявленским, указавшим, что еще к 1625 г. «возникла вражда между Далаем и Урлюком, которая кончилась только со смертью Далая» [1. С. 64]. И действительно, уход Далай-тайши из жизни (в 1637 г.) позволил *чекарам* наладить отношения с торгутами: *чекарские калмыки* упоминались в документе декабря 1638 г. как состоявшие в «ссылке и мире» с Дайчином и его родственниками [1. С. 77–78].

Первое упоминание о *чекарах* в связи с калмыками относится, видимо, к 1621 г. и связано с войнами между ойратами и восточномонгольским правителем Алтын-ханом, создавшим свое государственное образование на северо-западе Монголии. Предыстория такова: после прекращения боевых действий между ойратами и халхами, Лайхур-хан, лидер халхаского правого крыла, в 1590-х гг. поставил Шолоя Убаши-хунтайджи, своего двоюродного брата, правителем пограничного с ойратами региона. Это и был Алтын-хан, «хотогойтский князь», именующийся в русских архивных документах как «Алтын-царь». Население его государства в основном состояло из хотогойтов (вероятно, происходивших в основном из ойратов-хойтов) и урянхайцев, оно возникло на просторах между озерами Убсу-Нур и Хубсугул (северо-западная Халха), достигая на севере Саян, на юге — предгорий монгольского Алтая.

Алтын-хан был серьезным противником, который к 1620 г. мог совершать набеги на ойратов вниз по Иртышу вплоть до оз. Ямыш и южнее вплоть до горного массива Еликты, поэтому ойраты (в основном дербеты) ушли за р. Ишим, ближе к Итыковым горам (горная сеть Улытау). Согласно Г. Миллеру, в 1621 г. «монголы преследовали калмыков до самых прииртышских степей. Передовые монгольские отряды, состоявшие из народа чагаров, и несколько меньших калмыцких тайшей находились в постоянных столкновениях друг с другом» [6. С. 94].

Таким образом, мы выдвигаем гипотезу, что *чегары* из русских документов — это те же *чагары*, иначе южные монголы-чахары, по разным причинам оказавшиеся в составе войск вначале у Алтын-хана, а затем и у Далай-тайши.

Чахары

В русских источниках уже с 1629 г. фиксируется угроза для южной Сибири со стороны возглавлявшего чахаров монгольского правителя, записанного как Дючюн-кан, Чегир-кан или Чагир-кан [7. С. 146, 147, 175].

Чахары — южные монголы, чей подъем следует соотнести с административными реформами Бату Менке (Мункэ)⁴, ставшим известным как Даян-хаган

⁴ Он был правнуком ойратского (чороского) Эсэна, внуком его дочери Цэцэг [8. С. 37], а по мужской линии был одним из последних представителей рода Борджигин.

(прав. в 1480?–1543 гг.)⁵. Он перенес ставку из района Керулена и Орхона в регион Чахара и определил, что отныне именно правители Чахара возглавляют монголов, и им как *хаганам* должны подчиняться все монголы. Он же совместно со своей женой Мандухай-хатун разгромил ойратов и уйгуров; к 1510 г. ойраты были повержены, их институт *тайши* упразднен⁶, а восточные монголы объединены.

После Даяна правил его внук Бодиалаг (хаган с 1544 г.), которому удалось сохранить централизованную власть только у самих чахаров. Затем правителем был его сын Дарайсун (хаган с 1548 г.). При Тумэн-Дзасакту-хане (хаган с 1558 г.), сыне Дарайсуна, влияние хаганов ослабело даже в пределах самого Чахара.

Попытку укрепить власть предпринял Буян-тайджи (Цэцэн-хан) (хаган с 1594 г.), однако она не была успешной. В 1604 г. хаганом стал Лигдан⁷, который желал не только покончить с самовластием владельцев аймаков, «но и истребления всех ослушных вассалов, осмелившихся бороться с своим повелителем. Ожесточенные этой борьбой и притеснениями, аймачные владельцы решили совершенно оставить Ликдана и бежать от его постоянных нападений» [11. С. 115–116]. А.С. Мартынов писал: «Хорошо известно, что поводом для открытой вражды между Нурхаци⁸ и Лигдан-ханом чахарским послужил именно статусный вопрос. В 1619 г. Лигдан-хан направил ко двору Нурхаци посольство с грозным письмом, в котором он именовал себя „правителем монгольского государства с сорока десятками тысяч человек Батур Чингисханом“ и требовал прекратить вторжения на территорию империи Мин» [12. С. 65]. Это было не удивительно: чахары к тому времени стали «верными сообщниками последних [китайцев], и с одной стороны охраняли границы срединной империи, а в другой доставляли китайцам из своих прекрасных табунов лошадей для конницы и артиллерии» [11. С. 124].

Недовольные политикой Лигдана установили сношения с маньчжурами и другими его противниками [10]. У маньчжуров были и брачные связи с «некоторыми аймаками в восточной Монголии», и они стали «вмешиваться во внутренние дела Чахарского дома» [13. С. 200].

Летом 1626 г. глава восточномонгольского народа харачинов Ооба хунтайджи принял покровительство Нурхаци, «чтобы защитить себя

⁵ Й. Элверског пишет, что Даян скончался в промежутке между 1524–1543 гг. [9. Р. 73, note 10].

⁶ Он будет возвращен ойратам Алтан-ханом тумэтским около 1580-х гг.

⁷ Согласно принципу примогенитуры, законным правителем монголов признавался правитель чахаров как прямой наследник Чингисхана по мужской линии. Даже Даян-хан для усиления своей позиции женился на Мандухай, вдове бывшего чахарского правителя Мандугула. Однако авторитет этих правителей с сер. XVI в. настолько пал, что их называли уже не монгольскими хаганами, а чахарскими ханами [10. С. 448].

⁸ Нурхаци (1559–1626 гг.), лидер маньчжуров, ближайших соседей чахаров, хан с 1616 г.

от других монголов» [14. С. 14], поскольку несколько знатных людей его племени были убиты чахарами и халхами. Более подробно ситуация раскрывается в «Мэн-гу-ю-му-цзи»: представители харачинов (карциньцев) сообщили маньчжурскому правителю о «беззакониях» чахарского правителя и предложили ему помощь в борьбе с Лигданом. «По указу для личных переговоров с карциньцами был отправлен посланец. В 7-й луне карциньцы прислали ко двору ламу с 530 человек. Тогда князьям 3-й ст., Ацзиге и Шото, повелено было встретить их, угостить пиром и заколоть белую лошадь и черную корову для произнесения клятвы. В 9-й луне император лично выступил в поход против чахар» [15. С. 200, прим. 103]. По «Алтан тобчи», в жертву принесли белого коня (Небу) и черного быка (Земле) [16. С. 296].

Крупную военную кампанию против Лигдана предпринял Хунтайджи, сын и преемник Нурхацы. Армия Лигдана была разбита, Хунтайджи «преследовал бегущих до гор Хиньганских» [17. С. 501]. Продвижение маньчжурских войск вынудило Лигдана уходить в западном направлении. В 1627 г. он подчинил себе тумэтов и ордосцев, занял Хух-Хото (Коке-Хото) и стал угрожать халхасам, в т.ч. Алтынхану, и даже ойратам: «И говорит тот царь Чагир-кан⁹: как де дойду до русских и я к ним, к руским людей, учну своих послов посылать, одноконечно де мне побивать Алтына-царя да белых и чорных калмыков» [7. С. 311–312]. В отписке красноярского воеводы А. Дубенского в Тобольскую приказную избу мы также находим: «...в нынешнем же во 137 году [1629. г.] мая в 11 день... Ивашко Тимофиев с товарищи приехали из Матарские земли и сказали в съезжей избе: идет де из-за Китайсково царства царь неведомо какой, а называют ево Дючюн-кан, а имени ему не знают, и Китайское царство взял и Лабинское государство взял же, и Алтына де царя розвоевал, а будет де мугал воевать. А называетца де: я де неверным царем всем царь¹⁰; один де велик государь царь русской, да я де другой царь, а больши де нас двух нет никою. А хочет де итти до русских городов» [7. С. 146].

Однако его планам, какими бы они ни были, не пришлось осуществиться — в мае 1633 г. Хунтайджи вновь возглавил поход против Лигдана, последний бросил свою столицу (Хух-Хото) и двинулся на юго-запад, намереваясь «бежать к тангутам [тибетцам], но еще до положенного времени умер от оспы¹¹ в Шаравэйгуре» [17. С. 502]. П. Швигер считает, что

⁹ В русских документах Лигдан назван также как Чегир, Дючюн, Дючин (см. выше).

¹⁰ Интересный оборот («неверным царем всем царь»), прозвучавший в 1629 г. — важный исторический факт, определенно указывающий, что уже тогда Лигдан считал себя главным правителем над всеми «неверными» (т.е. буддийскими) правителями. Иначе говоря, религиозный фактор в указанных процессах действительно имел место быть.

¹¹ Согласно Б.Я. Владимирцову, он умер в сентябре 1634 г. на пути в Кукунор [10. С. 265].

цзанский (тибетский) правитель Карма Тенсунг мог обратиться к Лигдану с просьбой о помощи (в то время в Тибете накалялась ситуация ввиду борьбы разных направлений буддизма), а последний «мог действительно рассматривать Тибет как возможное место бегства» [15. С. 41]. По Б.Я. Владимирцову, в начале XVII в. монголы оказались перед лицом растущей силы маньчжуров, ойратов и слабеющей династии Мин. Стоял вопрос — за кем идти, за ойратами или маньчжурами? Лигдан выбрал третий путь — воссоздание «монгольской чингисханидовской державы, на котором он и погиб» [10. С. 263–264].

Упомянутый документ о преследовании ойратов монголами-чагарами в составе войск Алтын-хана позволяет заключить, что отдельные роды чахаров уже в десятых годах XVII в. уходили из юго-восточной Монголии в сторону Халхи, но, будучи там нежеланными гостями, были вынуждены проходить далее вплоть до владений Алтын-хана, который, судя по всему, приютил их с условием привлечения в военные действия против ойратов. Возможно, поэтому и были высказаны эти слова Лигданом, что он будет «побивать Алтына-царя да белых и черных калмыков» (см. выше). Чахары были известными воинами, они входили в состав левого (совместно с халха и урянхай), самого воинственного крыла монголов, и их присутствие, безусловно, усилило Алтын-хана (были в «передовых отрядах»), отчего его войска и калмыками, и другими сибирскими народами могли именоваться *чагарскими* или *чегарскими* [7. С. 120].

Таким образом, уже за несколько лет до начала чахаро-маньчжурской войны среди алтын-хановских войск появились подразделения, состоявшие из *чахар*. В начале 1620-х гг. Алтын-хан представлял серьезную силу, и присутствие в его войске *чахаров* несло большую угрозу ойратам — по большому счету, против них выступали войска самого хагана. Это же наименование (*чахары*) обнаруживается среди воинов дербетского Далай-тайши, согласно русским документам середины 1630-х гг. Мы полагаем, что было как минимум две возможности появления таких людей (отрядов, по выражению Богоявленского) у Далай-тайши: первая — это исход отдельных чахарских лидеров от произвола Лигдана, и вторая — это последствие смерти Лигдана, случившееся в конце 1633 или в начале 1634 гг.; и в том, и в другом случае отдельные части войск Алтын-хана, состоявшие из *чахаров*, по каким-то причинам перешли на сторону ойратов (впрочем, нельзя исключить и версию их пленения). Ойратским лидером, оказавшим им прием, оказался дербетский Далай-тайша, который столкнулся с кризисом своей власти и, вероятно, рассчитывал на чахаров для укрепления своих позиций. На самом деле этот кризис начался еще ранее, в середине десятых годов, когда элетский Хара-Хула решил объединить под своей властью чоросцев и элетов.

Чоросы

Далай-тайши значительно ослабел после того, как у него решением съезда ойратских правителей фактически отобрали хойтов¹² — этот древний ойратский народ, долгое время бывший в подчинении у дербетских лидеров [19. С. 128], и вновь обретший равные позиции с другими ойратами. В «Мэн-гу-ю-му-цзи» отмечается: «... поколение хойтов, по фамилии ихэ-мингань¹³. Сначала оно входило в состав дурботского аймака; с переселением же в Россию торгутов в 1636 году¹⁴ хойты являются одним из четырех ойратов» [15. С. 115]. Итак, после ухода большей части торгутов в Россию хойты «поднялись» до уровня одного из основных (четырех) ойратских народов [20. С. 6; Р. 81, note 204]; скорее всего, это случилось в конце 1634 г., когда ойратов посетили представители Далай-ламы и Панчен-ламы. Хойты действительно были сильным народом: На. Сухбаатар и Д. Баярсайхан, исследовавшие их историю, указывают, что «хойтский аймак был одной из самых важных составных частей Джунгарского ханства» [21. С. 128].

Кроме того, Далай-тайша уже был не в состоянии противостоять набравшему силу элетскому (джунгарскому) Хара-Хуле, который еще в 1616 г. объявил об образовании народа *джунгаров* как защитников учения Цзонкхапы, основателя тибетского буддизма школы Гелук [23. С. 177]. Хара-Хула вскоре настолько усилился, что его мощи стал опасаться и Алтын-хан. Уже весной 1619 г. тот писал царю Михаилу Федоровичу:

«А прошение мое, чтоб меж нас с тобою послы ходили, и торговым бы нашим людям дорога в твое государство и твоим людям к нам была чиста. И тому доброму делу помешку чинят меж нас калмыцкой Каракулы-тайша, а люди они немногие, и тебе б, великому государю, про то было ведомо. И тебе бы, великому государю Белому царю, послать повеленье свое к томским и к тобольским и к тарским ко всем людям, чтоб они, все твои государевы ратные люди, с моими ратными людьми на тех воров на Каракулы-тайшу и на его людей войною ходили; твои государевы ратные люди на них с твоей стороны ходили, а я с свою сторону на них своих ратных людей учну посылать, чтоб меж нас воров не было, и дорога бы была чиста. И как от тех воров дорога очистится, и тебе, государю, и не будет прибыль и добра много» [7. С. 78–79].

¹² Надо заметить, что сам факт такого решения красноречиво свидетельствует о падении влияния Далай-тайши.

¹³ Хойты состояли из четырех отоков: их-минган (Ikh Myangan), ол-тумен (Öl Tümen), алаг-гулцэ (Alag Gulz) и цаган туг (Tsagaan Tug). Последний оток почитался как наиболее близкий к монголам, поскольку потомки Худуха-беки (первый ойратский лидер, подчинившийся Чингисхану, почитается родоначальником хойтов) в течение трех поколений брали в жены представительниц Золотого рода [22. С. 524].

¹⁴ Выше уже отмечалось, что торгуты стали уходить в сторону Волги еще за два десятилетия до указанного года, на саму эту реку они вышли в 1631–1632 гг.

К указанному времени безопасность вновь обретаемых границ в Сибири стала вызывать опасения в Москве ввиду столкновений ойратов с монголами, когда дербетский Далай-тайша уже не мог контролировать отдельных ойратских лидеров, а Алтын-хан был заподозрен в тайных связях с Китаем: «мы, великий государь, приговорили з бояры нашими — с Алтыном-царем и с Китайским государством ссылке не быть» [7. С. 97]¹⁵. В таких условиях царь обратил внимание на элетского (джунгарского) Хара-Хулу.

Взаимная заинтересованность русской и джунгарской сторон привела к прибытию первого посольства от джунгаров в Москву 10 января 1620 г. При этом посланники Хара-Хулы говорили от имени только этого тайши: «колмытцкой Каракулы-тайша з братьею и з детьми и с племянники вам, великому государю, велели бити челом, что он, Каракулы-тайша, з братьею и з детьми и с племянники и со всеми своими улусы учинились под вашею царского величества рукою, и перед вашими государевыми людьми правду дали, шерть учинили» [7. С. 93]. В ответ в мае 1620 г. царь направил свою жалованную грамоту: «мы, великий государь, тебя, Каракулу-тайша, и твоих улусных людей пожаловали, в нашу царскую милость и во оборону приняли, и в нашем царском жалованье и в призренье держать вас хотим, и от недругов ваших сибирским воеводам нашим оберегать велели есмя» [7. С. 99]. Таким образом Хара-Хула обезопасил свои тылы и продолжил политику объединения ойратов под своим лидерством. Видимо, он акцентировал также свою чороскую родословную, поскольку в русских документах примерно тогда же (в 1630-х гг.) появляется еще одно новое наименование — *чурасцы* (*чоросцы*).

Интересно, что источники наличие *чоросцев* у калмыков связывают с дербетами. Отмечается, что у тайши Далай были люди, носившие «особое родовое имя чурасцов». В конце того же 1631 г. или в начале 1632 г. эти калмыки (около 150 чел.) и кучумовичи дошли до Иртыша и там напали на Тебендинскую, Каурдацкую и другие волости. «Когда тайша Талай узнал о поражении своих чурасцов, он стал говорить, что набег был произведен без его ведома» [6. С. 102]. Однако Хо-Урлюк в разговоре с посланником тюменского воеводы Семеном Поскочиным «справедливо отнес всю вину за прошедшие враждебные действия на тайшу Талай и рассказал, что Талай, Кушей (иначе Куйша) и Тайгуш все еще намереваются продолжать свои набеги на русские пределы». Сам же Урлюк, как заметил Миллер, «до этого времени не принимал никакого участия в нападениях, а, наоборот, давно уже желал удостоиться чести принять русское посольство» [6. С. 103]. Июнь-август 1632 г. прошли в борьбе с калмыками «служилых людей» из Тобольска, Тюмени и Тары. Но калмыки и кучумовичи «откочевали слишком далеко», и не понесли какого-либо существенного урона. «Служилые

¹⁵ Это решение было принято еще летом 1619 г., хотя о нем стало известно лишь год спустя.

люди» «разбили несколько передовых отрядов калмыков, стоявших около Конкарагая на Ишиме». В архивном документе указано, что «разбитые калмыки оказались теми самыми, которые ранее произвели нападения на Тюмень, а именно людьми тайши Талая, носившими особое родовое наименование чурасцов» [6. С. 108]. Этот род упоминался и позже — есть архивный документ 1636–1637 гг., где вновь указаны *чюрасцы* как подданные Далая [6. С. 585].

У ойратов только дербеты и элеты (точнее, их правители) могли заявить о своей принадлежности к чоросам, роду, возглавившему ойратов в XV в. Мы считаем, что именно из-за борьбы за влияние между Далаем и Хара-Хулой в 1630-х гг. (а возможно и ранее) актуализировалось наименование *чорос* (*чурас*). Здесь также требуется небольшой исторический экскурс.

Первый ойратский лидер, упомянутый в источниках (если не считать Мунке-Темура) — Хутхай-Тафу (Хуухай-даю) — считается представителем рода *чорос*. Скорее всего, такой вывод делается ретроспективным подходом, поскольку последующие правители ойратов — Махаму, Тогон и Эсэн, соответственно сын, внук и правнук Хутхай-Тафу, известны как *чоросы* [24. С. 174; 25. С. 126–127]. Нам представляется верным мнение этих и других исследователей: *чоросы* были тюркского происхождения и могли быть связаны происхождением с таким тюркским народом Могулистана, как *чурас*. Например, в «Тарих-и Рашиди» отмечено, что «эмиры [племени] чурас и племени барина ушли к сыну Исана Тайши Амасанджи Тайши к калмакам» [26. С. 104]. Здесь речь идет о том, что народы *чурас* и *барин*, в силу наступившей в Могулистане очередной междоусобицы, нашли приют у одного из ойратских лидеров — у Амасанджи, сына Эсэна-тайши. Скорее всего, это случилось около середины XV в., когда ойраты находились на подъеме.

Родство *чоросов* и *чурасов*, в целом, очевидно, и исследователи полагают это обстоятельство аксиомой. Например, К. Этвуд пишет, что «Эсен и его предшественники поддерживали тесные связи с Могулистаном на западе, где их собственный клан, Чорос, играл видную роль» [27. С. 420]. В Могулистане известным деятелем в XVI в. был Шах-Махмуд Чурас, автор знаменитой «Хроники» по истории этого государства [28]. Но еще до него известность получил один из лидеров Могулистана середины XIV в., тоже чурасец. Вот как этот момент отмечен в «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара: могулистанский хан Туглук Тимур и наставивший его в учении ислама направления ка-таки маулана Аршад ад-Дин составили «план для распространения и успешного продвижения ислама и порешили на том, что будут вызывать эмиров по одному и приказывать, чтобы каждый принял ислам, в противном же случае они применяют стих священного Корана „Сражайтесь все с многобожниками“» [26. С. 30]. Они стали вызывать по одному в ханский шатер лидеров племен, предлагая им принять ислам, и оказалось, что некоторые из них уже были мусульманами. Только один из них — Чурас — отказался от ислама;

он предложил маулане побороться с его сильным борцом, «неверным», который поднимал двухлетнего верблюда, и в случае победы проповедника обещал принять его веру. В результате маулана трижды легко победил этого силача, и «в тот день сразу обрили головы и стали мусульманами сто шестьдесят тысяч человек. Хан сам над собой совершил обряд обрезания. Лучи ислама поглотили мрак неверия и ислам распространился в юрте Чагатай хана» [26. С. 31]. Это случилось в 1353 г.

Можно лишь предположить, что такое событие, как насаждение ханом ислама в Могулистане, могло сподвигнуть некоторых *чураских* (*чороских*) лидеров уйти к монголам Юань. До падения этой династии оставалось 15 лет — достаточный срок, чтобы проявить свои лидерские качества, войти в ближайшее окружение императора и затем получить правление над ойратами.

Само название уходит в более ранний период, и можно с серьезным основанием предполагать, что *чоросы* не просто тюркского происхождения, но и имеют как минимум общие корни с уйгурами: имеются легендарные сведения об их происхождении от ребенка, найденного под кривым деревом, потому и прозванным Цорос/ Чорос (Монг. *ᠴᠣᠷᠣᠰ*), т.е. «кривой» [5. С. 88]. По мнению Х. Окада, *чоросы* (джунгары и дербеты) и уйгуры являются остатками Найманского ханства, при этом он апеллировал к общей для них легенде о едином первопредке [29. С. 201]. Рашид-ад-дин писал о происхождении найманов следующее: «Царя найманов... называли Инанч-Билгэ Буку-хан... В древние времена Буку-хан был великим государем, (к памяти) которого уйгуры и много других племен относятся с полным уважением и рассказывают, что он родился от одного дерева» [30. С. 139]. Аналогичное можно найти и в легендарной истории о происхождении кыпчаков [31. С. 44]. Г.И. Рамстедт связал термин *цорос/чорос* с киргизским этнонимом *чоро* [32. С. 550–553], этим же словом в ранних тюркских государственных образованиях звали лидеров объединений [33. С. 39]. *Чоросам* удалось возглавить ойратов, при этом под последними подразумеваются не только ойраты как таковые — слово *ойраты* стало уже политонимом, объединяя и другие народы, примкнувшие к ним.

Источники утверждают, что джунгарские правители были потомками младшего сына Эсэна — Эсмет-Дархан-нойона, тогда как дербеты — потомками Боронахала, старшего сына Эсэна [34. С. 53, 55]. Об этом же написано и в известной маньчжурской работе: «У Эсэна было два сына, старший из них, Боронахал, был родоначальником дурботов, а второй Эсмэт-дархан-нойон — чжунгаров» [15. С. 137]. Эсмет-Дархан-нойон был известен и как Аш-Тимур (Амасанджи).

Дальнейшая история дербетов и элетов, вообще ойратов в период с сер. XV в. (распад государства Эсэна) и до конца XVI в. (миграция в южную Сибирь) известна в общих чертах и требует дальнейшего изучения.

Исследование упоминаний о *чоросах* (*чурасах*) в русских документах 1630-х гг., в т.ч. в период, последовавший после смерти Хара-Хулы в 1634 г., дает новые возможности для более глубокого понимания долгосрочного влияния процессов и явлений, впервые проявившихся двумя веками ранее и сохранявших свой потенциал, достаточный для появления в последующем Джунгарского ханства.

Заключение

Чекары (*чекарские калмыки*), зафиксированные в русских архивных документах 1630-х гг., были отрядами воинов из народа *чахаров*, чье ханство находилось на юго-востоке Монголии, но в 1620-х — 1630-х гг. пало под ударами маньчжуров. Они впервые оказались под управлением Алтын-ханов в начале 1620-х гг., а позже приняли активное участие в межойратской усобице на стороне дербетского Далай-тайши. Как правило, они нападали на торгутские улусы под формальной претензией выдачи на расправу хошутского Чокур-тайши, но фактически добиваясь подчинения первых дербетскому лидеру. К тому времени торгуты в своей массе уже перешли на Волгу.

Исследование чахарской истории позволяет понять, что в изучаемый период были не только взаимные претензии хагана Лигдана и маньчжурских правителей Нурхацы и Хунтайджи, но и малоизвестное взаимодействие ойратов с восточными монголами. Лигдан, спасаясь от маньчжуров, не мог полагаться на своих сородичей-халхов и уходил в сторону Тибета, однако его грозное имя как всемонгольского хагана имело определенное влияние как на русские власти, так и на ойратов. Возможно, и это обстоятельство (актуализация отдельных реминисценций имперского периода) повлияло на возрождение тех воспоминаний, которые у ойратов были увязаны с их славным периодом — наличием ойратской державы Эсэн-тайши, который был чоросом по происхождению, и ролью его потомков-чоросов как правителей дербетов и джунгаров. Однако попытки Далай-тайши восстановить свою слабеющую власть, в т.ч. путем привлечения на свою сторону *чахаров* (*чекаров*) и возрождением чороского наследия (*чурасцы*) успеха не принесли. Дербеты ослабеют, и позже будут вынуждены большей частью подчиниться джунгарским, меньшей — торгутским правителям в составе Джунгарского и Калмыцкого ханств.

Список литературы

1. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. 1939. № 5. С. 48–102.
2. Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста : НПП «Джангар», 2012. 375 с.

3. Санчи́ров В.П. На пути к Волге: ойратские этнополитические объединения в 20–30-х гг. XVII в // *Oriental studies*. 2008. № 2. С. 2–23. EDN: SJFFFFH
4. История калмыцких ханов // *Лунный свет*. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 2003. С. 113–119.
5. Габан Ш. Сказание об ойратах // *Лунный свет*. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 2003. С. 84–107.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 637 с.
7. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636 : сб. документов / сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук ; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М. : ГРВЛ, 1959. 352 с.
8. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М. : Наука, 1983. 331 с.
9. Elverskog J. The Jewel Translucent Sutra. Altan Khan and the Mongols in the sixteenth century. Leiden-Boston : Brill, 2003. 388 p.
10. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М. : Восточная литература, 2002. 557 с.
11. Позднеев А.М. Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ. Подлинный текст с переводом и пояснениями. Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1883. 421 с.
12. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М. : Наука, 1978. 284 с.
13. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Т. 2. СПб. : Типография Карла Крайя, 1828. 339 с.
14. Elverskog J. Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2008. 242 p.
15. Чжан-му, Хэ Цютао. Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях) / пер. с кит. П.С. Попова. СПб. : Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1895. 487с.+92 с.
16. Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание) / пер. с монг., введ., комм. и прил. Н.П. Шастиной. М. : Наука, 1973. 439 с.
17. Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии / сост. Л.Н. Гумилев, М.Ф. Хван. Чебоксары : Чувашское гос. изд-во, 1960. 758 с.
18. Schwieger P. The Dalai Lama and the Emperor of China: a political history of the Tibetan institution of reincarnation. New York : Columbia University Press, 2015. 342 p.
19. Успенский В. Страна Кукэ-Нор, или Цинхай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ-Нора // Записки Императорского Русского географического общества. 1880. Т. 6. С. 59–196.
20. Pelliot P. Notes Critiques d'Histoire Kalmouke. Part 1. Paris, 1960. 100 p.
21. Сухбаатар На., Баярсайхан Д. Хойдын туух. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2016. (История хойтов.) (на монг. яз.). 205 с.
22. Natsagdorj Sh., Ochir A. 'Six Tümen'// The History of Mongolia. Vol. II. Part 3: Yuan and Late Medieval Period. Global Oriental LTD, 2010. P. 521–526.
23. Kitinov B.U., Lyulina A.G. Dzungar: Religion and Designation // *Vostok (Oriens)*. 2023. № 3. Pp. 173–184. <https://doi.org/10.31857/S086919080025827-6> EDN: IGKZLK
24. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX — первая четверть XVIII вв.). Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 2002. 326 с. EDN: SJXATP
25. Екеев Н.В. Дорбен-ойраты (к проблеме этимологии и этнической идентификации) // Мир Центральной Азии: Т.1. Археология. Этнология : материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2002. Т. 1. С. 124–131.
26. Хайдар Мирза М. Тарих-и Рашиди / введ., пер. с перс. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Ташкент : ФАН, 1996. 727 с.
27. Atwood Ch. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Fact on Line, Inc., 2004. 678 p.
28. Чурас Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил. Хроника / критич. текст, пер., коммент., исслед. и указатели О.Ф. Акимовской. 2-е изд. СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2010. 496 с.

29. Okada H. Origins of the Dörben Oyirad // Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. Band 7. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1987. P. 181–211.
30. Рашид-ад-дин Фазль-Аллах Абу-ль-Хайр Хамадаин. Сборник летописей. М.–Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. 223 с.
31. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 193 с.
32. Рамстедт Г.И. Этимология имени Ойрат // Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXIV. СПб. : Типография В.У. Киришаума (отделение), 1909. С. 547–558.
33. Екеев Н.В. К проблеме этнической истории ойратов-чоросов // Мир Евразии. 2008. № 2. С. 37–41.
34. Санчилов В.П. «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. М. : Наука, 1990. 136 с.

Информация об авторе:

Китинов Баатр Учаевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: kitinov@mail.ru ORCID: 0000-0003-4031-5667. SPIN-код: 9886-3550.